

Вадим Пересветов

**Журналистика:
секреты
успеха — 3**

Техника письма

Вадим Пересветов

**Журналистика: секреты
успеха – 3. Техника письма**

«Издательские решения»

Пересветов В. В.

Журналистика: секреты успеха – 3. Техника письма /
В. В. Пересветов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833933-2

Данная книга — завершающая часть обучающей трилогии «Журналистика: секреты успеха», печатной версии авторского курса Вадима Пересветова по практической журналистике. Третьи «секреты» посвящены технике письма — теме, актуальной не только для начинающих, но и для журналистов «со стажем». Благодаря лаконичному стилю изложения и способности автора говорить о сложном легко и просто, книга также доступна самому широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-44-833933-2

© Пересветов В. В.
© Издательские решения

Содержание

Tabula rasa	6
Ночь с пятницы на понедельник	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Журналистика: секреты успеха – 3
Техника письма
Вадим Пересветов

© Вадим Пересветов, 2016

ISBN 978-5-4483-3933-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Tabula rasa

Первый абзац. «Мои мысли – мои скакуны». Рывком. О вдохновении

Неоднократно цитируемый мной классик отечественной журналистики Валерий Аграновский в своей немеркнущей книге «Вторая древнейшая», описывая «проблему первого абзаца» признается, что не раз испытывал ужас перед чистым листом, не зная, как начать ту или иную статью. «Представим себе: руки у журналиста чешутся, бумага стонет от нетерпения, материал истомился – можно начинать писать! Но начну с неожиданного и откровенного признания: ненавижу письменный стол! У поляков есть пословица, в переводе звучащая примерно так: «По вдохновению пишут одни графоманы, настоящие литераторы пишут за деньги». Я бы и за деньги не писал, если бы это было возможно. Так уж устроен. Лично для меня – истинная мука (даже если перо – клавиатура компьютера) брать в руки перо. От мысли, что рано или поздно придется это делать, я содрогаюсь, как от удара током. Какое счастье, что существует этап обработки материала: до письма еще вроде бы далеко, и можно заставить себя разобраться в блокнотах. Не более. Всего лишь почитать. Кое-что перепечатать. Чуть-чуть подумать. Самую малость... Именно на этот период и приходится раскачка. Постепенно

втягиваясь, через час, через три часа, через сутки погружаешься в работу и вдруг обнаруживаешь себя в плену, и уже ничто не может оторвать от некогда ненавистного письменного стола. Запой! Материал – как на ладони. План – верная и крепкая веревочка к цели. Можно «строчить»! И вот тут-то возникает пресловутая проблема первого абзаца. Танталовы муки! Уж очень редки случаи, когда первый абзац дается без боя, без трепки

нервов, без сомнений и поисков, легко и естественно. Сколько иронически-грустных советов приходится выслушивать нашему брату по этому поводу: «Что может быть проще: начинай сразу со второго абзаца!» «Пиши первый, потом второй, а первый спокойно вычеркивай!» и т. д. Помню, когда я был на военных сборах в авиационной школе, и в один прекрасный день, как и мои товарищи по эскадрилье, решил доверить свою жизнь кусочку мануфактуры, то есть парашюту, инструктор серьезно сказал нам, уже готовым к прыжку и стоящим у самолета: «Главное, без волнений. Если не откроется основной парашют, открывайте запасной. Не откроется запасной, тоже не беда: придете на склад, я вам обменяю оба». Первый абзац довольно часто «не открывается» (1).

О том, что трудности с началом того или иного материала действительно имеют место, признаюсь и я. Особенно сильное «торможение» перед чистым листом бумаги – *tabula rasa* было присуще мне, в основном, в те самые юные годы, когда, трудясь над текстом больше похожим на школьное сочинение, думалось, что пишешь *opus magnum* (труд всей жизни) вселенского масштаба. Когда началось сотрудничество с газетами, то «проблема первого абзаца» стала решаться гораздо быстрее, потому что в редакциях ждали заметок к означенному сроку, вследствие чего приходилось энергичнее шевелить мозгами. Во время штатной работы в еженедельнике «первые абзацы» получались сами собой, а в ежедневной газете и вовсе «выстреливали», как из автомата Калашникова, без осечек и точно в цель. Поэтому, в большинстве случаев, «проблема первого абзаца» возникает именно тогда, когда у журналиста есть время на раскачку. Валерий Аграновский работал в том счастливом прошлом, когда нашему брату еще давали возможность как следует «раскачаться». Иначе говоря, обстоятельно подготовиться и подумать перед написанием материала. Сейчас от журналиста требуется работать много и быстро. При этом, это «много и быстро» – тексты идут на полосу буквально «с колес» – не отменяет понятия «хорошо». Поэтому, очень часто приходится работать на износ, мобилизуя весь свой потенциал, и не имея права на ошибку; если и простят, то при случае все

равно припомнят обязательно. И, не имея права, на творческие паузы, так называемые «периоды тишины», во время которых журналист отдыхает от письма и занимается самообразованием. В отличие от многоуважаемого коллеги я «не содрогаюсь, как от удара током» при мысли, что нужно начинать писать. Думаю, что Мастер здесь явно преувеличивает, а если нет, то всем бы так содрогаться, чтобы потом появились «Профессия иностранец», «Остановите Малахова!», «Взятие сто четвертого», «Лица», «Ради единого слова» и другие произведения и статьи автора, для которого «брать в руки перо – истинная мука».

У пишущих людей потребность в письме существует постоянно. У меня это что-то вроде ежедневной тренировки спортсмена, готовящегося к соревнованиям. Причем неважно, чем я занят: текущим материалом, записью своих наблюдений, подготовкой вопросов к интервью или же просто намечаю темы будущих публикаций. Я знаю, что все это пригодится, когда придет время бежать к финишу вместе с другими, не менее расторопными коллегами. В «чистом листе» я вижу дарованную мне возможность высказаться, наполнить его содержанием, описанием событий и полученной информацией, которой хочется поделиться с окружающими. Проблема состоит лишь в том, как успеть за своими собственными мыслями, опережающими движения пальцев по клавиатуре и теснящимися в голове в попытке проскочить на волю «вне очереди» того уже сложившегося плана – «верной и крепкой веревочки к цели». Во время письма кажется, что все до единой мысли имеют первостепенное значение. (Здесь на память невольно приходит рефрен из песни Олега Газманова «мои мысли – мои скакуны»). Ведь *человек на самом деле думает примерно в 10 раз быстрее, чем пишет*, поэтому затраченное на обдумывание время с лихвой окупается при письме (2). Более того, мне очень нравится работать над двумя или тремя текстами одновременно. В таких случаях, постоянно переключаясь, я чувствую себя как рыба в воде. Переход из одного «смыслового окна» в другое способствует тому, что пишущий не заклинивается на одном и том же, в результате чего многие необходимые текстовые решения находятся значительно легче и быстрее.

И, конечно же, *tabula rasa* всегда должен быть заполнен наилучшим образом. Этот процесс сродни тому, как на блеклое лицо фотомодели наносят макияж, и она из «промокашки» превращается в настоящую принцессу. (Вспомнился один забавный случай. После промежуточной посадки на Мальтийских островах большой самолет летел в сторону Северной Африки практически пустым. Чтобы скоротать время, оставшиеся в салоне немногочисленные пассажиры решили познакомиться. Когда настала очередь рассказать о себе невзрачной девушке с оттопыренными ушами, она сказала буквально следующее: «Ребята, вы будете смеяться, но я – фотомодель»).) Поэтому, напротив, я испытываю крайнее нетерпение к работе, обожаю письменный стол, хоть иногда и подхожу к компьютеру, как к штанге с супертяжелым весом. Такое бывает, когда долго пишешь на одну и ту же тему и для одного и того же издания, где слова «наш формат не позволяет...» произносятся редактором, как своего рода магическое заклинание. Когда пишешь на заказ рекламные статьи, в которых должен учесть все существующие и гипотетические (иногда неплохо догадываться о намерениях) замечания заказчика, а также «три копейки» его жены или любовницы, вставленные уже после того, как все позиции были оговорены или же, вообще, полную смену позиций. В таких случаях «проблема первого абзаца» решается опять-таки по аналогии со спортом, то есть, «рывком», после которого остается только зафиксировать взятый вес. Деваться-то некуда: означенный срок не дает возможности расслабиться, а обозначенный гонорар и есть то самое искусственное «вдохновение», при помощи которого пишут настоящие профессионалы.

NOTA BENE

Конечно, я немного утрирую. Просто обыватели по-разному представляют себе этот процесс. Одни вспоминают слова классика о том, что «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать» и думают, что за замаячившие на горизонте приличные деньги можно сде-

лать любую работу. Другим, вдохновение представляется в виде сияющего почти блаженного взора автора, блуждающего от клавиатуры к пейзажу за окном и обратно, затем выливающаяся в непрерывное стрекотание клавиш. Нет! «Вдохновение – это строгое рабочее состояние человека», – пишет Константин Паустовский в своей книге «Золотая роза» (10). «Душевный подъем не выражается в театральной позе и приподнятости. Так же, как и пресловутые «муки творчества». Пушкин сказал о вдохновении точно и просто: «Вдохновение есть расположение души к живому приятию впечатлений, следственно, к быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных». «Критики, – сказал он вдобавок, – смешивают вдохновение с восторгом». Так же, как читатели смешивают иногда правду с правдоподобием. Чайковский утверждал, что вдохновение – это состояние, когда человек работает во всю свою силу, как вол, а вовсе не кокетливо помахивает рукой. Тургенев называл вдохновение «приближением бога», озарением человека мыслью и чувством. Он со страхом говорил о неслыханном мучении для писателя, когда он начинает претворять это озарение в слова. Толстой сказал о вдохновении, пожалуй, проще всех: «Вдохновение состоит в том, что вдруг открывается то, что можно сделать. Чем ярче вдохновение, тем больше должно быть кропотливой работы для его исполнения». Алексей Толстой мог писать, если перед ним лежала стопа чистой хорошей бумаги. Он признавался, что, садясь за письменный стол, часто не знал, о чем будет писать. У него в голове сидела одна какая-нибудь живописная подробность. Он начинал с нее, и она постепенно вытаскивала за собой, как за волшебную нитку, все повествование. Рабочее состояние, вдохновение Толстой называл по-своему – накатом. «Если накатит, – говорил он, – то я пишу быстро. Ну, а если не накатит, тогда надо бросать».

Также «проблема первого абзаца» может возникнуть из-за элементарной нехватки информации. Ведь для того, чтобы сделать хороший материал, нужно иметь фактуру как минимум на два, а то и на три. И тогда, постепенно отделяя не зерна от плевел, а лучшие зерна от очень хороших, пишется сочный «высокосортный» материал, к которому можно без труда найти необходимую тональность, написав «врез» или, как мы его еще называем, «заход» или «лид» в самую последнюю очередь. Но зачастую бывает так, что базисной информации недостаточно, а редактор требует всей полноты отображения ситуации или проблемы, где всякие домыслы нежелательны. Бывает наоборот. Когда на вопрос, что в первую очередь необходимо отобразить в тексте, отвечают: «Старик, ну ты же сам все знаешь, напиши что-нибудь». В таких ситуациях о первом абзаце задумываешься просто поневоле. Конечно, решение всякий раз находится, но важно помнить, что даже самый крутой первый абзац не спасет автора (опасающегося, что если начало статьи не будет интересным, то ее не будут читать дальше), если за сильным первым абзацем последует словесная пустота. В таких случаях просто «оставьте свой парашют» для кого-нибудь другого. Пишущий должен четко знать, что он хочет написать, для кого он пишет и как именно он будет это делать. Иначе «проблема первого абзаца» запросто может распространиться на все остальные.

Ночь с пятницы на понедельник
Последовательность написания текстов.
Правило «второго глаза». Когда писать
заголовок? Кому ставить точку?

Главная трудность начала заключается в том, что оно должно быть логически, напрямую или ассоциативно связано с концом статьи, о котором мы думаем меньше, чем о самом начале или о развитии текста. Говоря иносказательно – это «ночь с пятницы на понедельник» (группа «Выход», альбом «Выхода нет»). То есть, сев писать, нужно представлять себе всю статью целиком, хотя бы схематично. Так что горбачевское «главное – начать» с ударением на первом слоге, вовсе, как и не главное. Главное – не только хорошо начать, но и, простите за некую двусмысленность, хорошо закончить. Иначе, есть риск стать похожим на оконфузившегося во время первого серьезного свидания героя романа Юрия Полякова «Замыслил я побег...» Олега Трудовича Башмакова, истратившего все свое вождение до начала интимного процесса, и потом еще долго мучавшегося комплексом неполноценности под названием «Недолет!» (3)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.